

Литература

1. Meserole, H. T. American Poetry of the Twentieth Century // H. T. Meserole [ed. with introduction, notes and comments]. – Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1985. – 541 p.

2. Barton, E. J. A Contemporary Guide to Literary terms with Strategies for Writing Essays about Literature // E. J. Barton, G. A. Hudson. – N. Y., 1997. – 489 p.

УДК 811.111'.42':811.161.1'42

О. Н. Чалова

ФУНКЦИИ РЕПЛИК В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ (на материале стенограмм научных дискуссий)

В данной статье представлены результаты исследования, посвященного определению роли различных типов реплик в содержательном и структурном развитии научного диалога. Согласно полученным данным, в изучаемом виде общения многие реплики способны совмещать в себе функции речевого стимула и речевой реакции, то есть активно участвовать в продвижении речевого взаимодействия. Кроме того, репликовые шаги характеризуются наличием сразу нескольких коммуникативных целей, что свидетельствует в пользу иллокутивной полифункциональности коммуникативных единиц научного диалога и, следовательно, глубине его прагматического разнообразия.

В лингвистической литературе под репликой традиционно понимается строевая и коммуникативная единица диалога, «довольно просто определяющаяся как фрагмент дискурса одного говорящего, отграниченный речью других, т. е. реплика – это все, что сказано (и сделано) между менами коммуникативных ролей» [1, с. 91].

По нашим наблюдениям, в такой разновидности общения, как научный диалог реплики являются полифункциональными, что проявляется в двух основных моментах:

– во-первых, в способности многих реплик одновременно реализовывать стимулирующую и реактивную валентность, то есть совмещать в себе функции речевого стимула и речевой реакции (*ролевая полифункциональность*);

– во-вторых, в способности многих реплик выполнять сразу несколько иллокутивных функций, то есть характеризоваться наличием двух и более коммуникативных целей, например а) интеррогативной/вопросительной и репрезентативной, б) позитивно- и негативно-оценочной, в) директивной и интеррогативной и др. (*иллокутивная полифункциональность*).

Эти две разновидности репликовой полифункциональности (*ролевая* и *иллокутивная*), обнаруживаемые в научном диалоге, и станут объектом нашего дальнейшего анализа. Обращение к ним может позволить расширить и углубить представления об организации и механизмах научного диалогического общения и, таким образом, увидеть новые грани и глубину лингвопрагматического разнообразия изучаемого вида коммуникации, изучение которого является перспективным исследовательским направлением в условиях возрастания роли научного общения и важности поиска наиболее эффективных способов ведения научного диалога.

Ролевая полифункциональность

Внутренняя логика развертывания научного диалога зачастую требует, чтобы реплики находились в такой смысловой и структурной связи, при которой предшествующая реплика, с одной стороны, выступает как обуславливающая (стимулирующая появление очередного высказывания речевого партнера), а каждая из последующих, с одной стороны, обуславливается предыдущей, а с другой – обуславливает следующую за ней, например:

(1): *Just to make sure. <...> Is it the nuclear transfer that generates the doubt about whether we actually have an organism or is the position indifferent as to whether the means is nuclear transfer or gamete union?* ('Просто небольшое уточнение. <...> Заставляет ли наличие ядерной транспозиции сомневаться в том, что это – живой организм, или же не существует никакой разницы в том, что является средством его образования – ядерная транспозиция или слияние гамет?')

(2): *So for any normal gamete union we don't know if we have an organism?* ('То есть в случае обычного слияния гамет у нас нет уверенности в том, что мы имеем дело с организмом?')

(3): *That's what I'm wondering.* ('Да, именно это меня интересует')

(4): *There's a certain probability that we have an organism, and we don't actually have as good numbers as we would like about what percentage of fertilized eggs <...>.* ('Существует определенная степень вероятности, что мы имеем дело с живым организмом, однако мы не располагаем достаточными данными о количестве оплодотворенных яиц')

(5): *Yeah, but my only question, just for clarification is ...* (‘Да, но мой вопрос, просто чтобы уточнить’)

(6): *Well, you called a blastocyst an organism, which I would never do.* (‘Понимаете, Вы назвали бластоцист организмом, что я бы никогда ни сделал’)

(7): *Whether it's gamete union or nuclear transfer.* (‘Независимо от того, слияние это гамет или ядерная транспозиция’)

(8): *Right.* (‘Именно’).

Как видно, уже только позиция реплики 2 в приведенном фрагменте речевого взаимодействия позволяет приписывать ей статус *реактивной* относительно предыдущего сообщения. Однако очевидно и то, что реплика 2 не представляет собой реакции в чистом виде и не образует с предыдущим высказыванием коммуникативно завершеного диалогического единства, а появляется с целью получения от собеседника информации, способствующей адекватному восприятию его сообщения. Другими словами, реплика 2, в сущности, играет роль *уточняющего вопроса*, прагматическая задача которого сводится к побуждению адресата предоставить дополнительные сведения, что позволяет относить рассматриваемое сообщение к речевому *стимулу*. Несмотря на то, что уточняющие вопросы одновременно реализуют реактивную и стимулирующую валентность, их чисто условно можно назвать речевыми реакциями, так как компонент реактивности в их семантической структуре выражен слабо, в то время как компонент инициальности – гораздо сильнее.

Появление уточняющих вопросов непредсказуемо и свидетельствует о том, что прогнозировать очередную реплику в диалоге можно лишь с большей или меньшей степенью вероятности. В этой связи уместно вспомнить слова Н. Д. Арутюновой, которая, возражая против предсказуемости реактивного репликового шага, отмечает: «Между тем адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление» [2, с. 661].

Наряду с уточнениями, к реактивно-стимулирующим репликам следует также относить критические замечания (несогласия, возражения, выражение сомнения и под.) коммуниканта относительно исследовательской позиции оппонента. Появляясь как вербальный ответ на предшествующее высказывание, они сближаются по своим функциям с вопросами, так как косвенно побуждают собеседника высказаться по соответствующему поводу и всегда воспринимаются адресатом в качестве побуждения обосновать свою позицию, отстоять собственную точку зрения (см. Реплику 6 в примере выше), что позволяет

трактовать критические замечания в качестве реплик, реализующих стимулирующую валентность. Неслучайно в современной лингвистике сомнение, несогласие, возражение и под. рассматриваются как основа общения [3, с. 114]: критическое замечание задает то «минимальное "напряжение" между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [4, с. 182].

Иллокутивная полифункциональность

Иллокутивная полифункциональность реплик в научном диалоге обнаруживается в способности последних характеризоваться наличием нескольких коммуникативных целей. Одной из наиболее распространенных в изучаемом виде общения иллокутивных комбинаций является сочетание негативно- и позитивнооценочной иллокуций, обнаруживающейся в случае совмещения критики с инициальной благодарностью, одобрением, согласием, похвалой, то есть выражением положительного отношения к отдельным аспектам позиции партнера, например:

(1): *Well, I just think that's an interesting point of view <...> but I would say it's not working <...>* ('Да, я думаю, что это интересная точка зрения, но она не соответствует действительности <...>').

(2): *Actually, I agree with <...>* ('На самом деле я согласен <...>').

Очевидно, что основное назначение реплики 1 – выразить негативное отношение к позиции собеседника. При этом коммуникант считает необходимым акцентировать своеобразие этой позиции, ее способность вызывать интерес (*that's an interesting point of view* 'это интересная точка зрения'). Именно данное обстоятельство и дает возможность приписывать рассматриваемой реплике наличие двух иллокуций – позитивно- и негативнооценочной (частичное согласие).

Согласно результатам нашего анализа, комбинирование нескольких разнородных иллокуций наблюдается в следующих двух случаях:

а) в репликах, представляющих собой сложный речевой акт;

б) в репликах, представляющих собой косвенные речевые акты;

В первом случае, то есть в реплике, представляющей собой сложный речевой акт, а именно последовательность нескольких вербальных действий, объединенных доминантной целью, наблюдается сочетание иллокуций тех действий, которые эту реплику составляют. Несмотря на относительную самостоятельность, речевые действия, конституирующие сложную реплику, связаны в синтаксическом, семантическом и функциональном отношениях и, как правило, представляют собой цельную коммуникативную единицу – коммуникативный (интерактивный) ход. Например, реплика *A как случилось,*

что ваш коллега С. П. Капица потерял столь авторитетный журнал «В мире науки», сделав его убыточным? Что это за история? В ней нет никакой ясности, потому что в свое время этот журнал имел огромную подписку является последовательностью четырех речевых действий: двух собственно вопросов (А как случилось, что ваш коллега С. П. Капица потерял столь авторитетный журнал «В мире науки», сделав его убыточным? Что это за история?) и репрезентативной части, обосновывающей постановку вопроса (В ней нет никакой ясности, потому что в свое время этот журнал имел огромную подписку). В совокупности же эти действия «работают» на общую цель реплики – запросить недостающие сведения. Функциональное единство приведенных речевых актов не отменяет, однако, действия иллокутивных сил каждого из этих актов в отдельности, что и позволяет говорить о сосуществовании в структуре рассматриваемой реплики нескольких иллокуций.

Во втором случае, то есть в репликах, представляющих собой косвенный речевой акт как единое речевое действие, одна иллокуция реализуется за счет другой, совмещаясь с ней. Еще Дж. Серль [5; 6] указывал, что косвенное значение является производным от прямого, причем последнее не вытесняется, а сохраняется в структуре высказывания, что позволяет сделать вывод о совмещении в структуре косвенного речевого акта нескольких иллокуций. Другими словами, в косвенных речевых актах одна иллокуция присутствует эксплицитно, а вторая – имплицитно. Так, например, в следующем примере в реплике 1 эксплицитным образом представлена репрезентативная иллокуция, о чем свидетельствует ее синтаксическая форма повествовательного предложения, а имплицитным – интеррогативная/вопросительная, так как она включает в себе сообщение о желании говорящего получить определенную информацию, то есть косвенно побуждает собеседника к ответному вербальному действию.

(1): **Хотелось бы послушать** Татьяну Александровну Сидорчук об эффективности инноваций и необходимых условиях.

(2): <...> Дело не в увеличении часов на образование, а в обучении обработке какого-либо материала, не нужного для запоминания. А не в заучивании какого-либо объема информации. О критериях инноватики. У нас есть такой принцип в отборе – минимальные эмоциональные и физические затраты педагога, позволяющие максимально использовать ресурсы ребенка, чтобы в короткое время наилучшим образом решить задачу.

То, что реплика 1 не носит характер риторического комментария, а имеет интеррогативную семантику, доказывает наличие ответной

реплики, в полной степени удовлетворяющей информационные требования автора реплики-стимула.

Количественный анализ показывает, что реплики, включающие в свою структуру две и более иллокуции, составляют 76 % в русско- и 81 % в англоязычной научной дискуссии.

Приведенные количественные данные позволяют сделать вывод о доминировании в научном диалоге полифункциональных реплик над монофункциональными, что определяется содержательной насыщенностью обсуждаемых проблем и полемическим характером изучаемого вида коммуникации. Такая ярко выраженная полифункциональность свидетельствует о неординарности и специфичности научного диалогического общения и обуславливает его ценность как объекта лингвистического анализа.

Литература

1. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 276 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
3. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка / Л. М. Михайлов. – М. : Высш. школа, 1994. – 256 с.
4. Юдина, Т. В. Политическая дискуссия как разновидность диалогической речи / Т. В. Юдина // Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1991. – С. 182–186.
5. Searle, J. R. Speech Acts : An essay in the philosophy of language / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 214 p.
6. Searle, J. R. Indirect speech acts / J. Searle // Syntax and Semantics / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. – N.Y. : Academic Press, 1975. – Vol. 3 : Speech Acts. – P. 59–82.